

С. Таныш,

Национальный педагогический университет имени М. П. Дагманова, г. Киев

ЛЕКСИКА ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

В статье продемонстрирован фрагмент исследования места и роли турецких заимствований в системе современного русского языка на примере лексики тематической группы «Культура, искусство». Показана роль экстралингвистических факторов в процессе языковых контактов.

Ключевые слова: турцизм, язык-источник, язык-посредник, прототип, экстралингвистический фактор, реалья, экзотизм.

ЛЕКСИКА ТУРЕЦЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ В СФЕРІ КУЛЬТУРИ

У статті продемонстровано фрагмент дослідження місця та ролі турецьких запозичень в системі сучасної російської мови на прикладі лексики тематичної групи «Культура, мистецтво». Показана роль екстралінгвістичних факторів у процесі мовної взаємодії.

Ключові слова: турцизм, мова-джерело, мова-посередник, прототип, екстралінгвістичний фактор, реалья, екзотизм.

TURKISH ORIGIN LEXIS IN THE CULTURAL SECTOR

he article presents the fragment of study place and role of the Turkish loanwords in modern Russian language through the example of a thematic vocabulary «Culture, arts». In the article the role of extralinguistic factors in the language contact process is illustrated.

Keywords: Turkish loanword, original language, intermediate language, the prototype, extralinguistic factors, culture-specific concept, exoticism.

Закономерным процессом в функционировании и развитии любого современного языка считается пополнение его словарного состава заимствованной лексикой. Особый интерес в этом отношении представляет для исследователей взаимодействие языков различной генетической природы, что, в частности, иллюстрирует русско-тюркские языковые контакты. Поскольку тюркизмы представлены в русском языке достаточно большой группой лексических единиц, их изучению уделяется значительное внимание в современной русистике. Учёные-тюркологи обращаются в своих работах преимущественно к историко-этимологическому аспекту изучения тюркизмов (Р.А. Юналеева [12]), к проблемам их функционирования в различных сферах (Ю. Керами [4]), к тюркской диалектологии, терминологии, ономастике (Н.А. Баскаков [1]).

Заимствования из турецкого языка традиционно изучаются в общем ряду ориентализмов – до настоящего времени системное описание данной группы заимствований не являлось предметом отдельного исследования. Тем не менее, тюркизмы представляют определённый интерес для филологов-русистов, особенно в отношении путей и обстоятельств их вхождения в язык-реципиент, специфики взаимодействия с исконной лексикой, а также отражения определённых процессов и тенденций в принимающем языке.

Необходимостью теоретического осмысления и обоснования языкового статуса туркизмов в современном русском языке обусловлена актуальность настоящей статьи. На примере отдельно взятой тематической группы «Культура, искусство» предполагается продемонстрировать фрагмент исследования, направленного на конкретизацию места и роли турецкого языка в процессе заимствования. Материалом для анализа послужили лексемы турецкого происхождения, извлечённые из современных словарей иноязычных слов А. Н. Булыко [3] и Л. П. Крысина [6]. С целью уточнения статуса отдельных анализируемых языковых единиц используются также данные некоторых других современных словарей русского языка [2; 9; 11].

Лексика тематической группы «Культура, искусство» насчитывает 10 слов и значений, отличающихся своей экзотической природой, что, в целом, считается закономерным явлением. Л.П. Крысин отмечает: «Экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, – они могут нести в своих значениях указание на определённую специфику культуры данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры» [5, с. 107]. Большинство лексики культурной тематики турецкого происхождения составляют названия музыкальных инструментов (*гайда, дудук, кавал, кобза, нагара, саз, зурна (сурна), тудумбас*). По одной лексической единице представлено в театральной (*карагёз*) и спортивной (*ферзь*) тематике.

Турецкое происхождение номинации *гайда* («Название духового музыкального инструмента волынки у южнославянских народов» [3, с. 127]) можно аргументировать, руководствуясь собственно лингвистическими факторами, а именно формальным сходством в планах выражения и содержания с предполагаемым прототипом *gayda*, имеющим в турецком языке следующее значение: «Шотландский национальный духовой музыкальный инструмент с резким пронзительным звучанием, состоящий из двух дудок и приспособления, напоминающего мешок» [13, с. 817]. Сам музыкальный инструмент имеет древнее происхождение, а также множество разновидностей в различных культурах. Наименование *гайда* носит болгарская волынка, но можно предположить, что сама номинация была заимствована в болгарский язык из турецкого. В русский язык номинация могла попасть как непосредственно из турецкого, так и при болгарском посредничестве.

Лексема *дудук* известна в русском языке в значении «Духовой деревянный инструмент в виде цилиндрической трубки с 9 отверстиями, распространённый у народов Кавказа» [3, с. 212] и восходит к турецкому прототипу *düdük*, имеющему в языке-источнике значение «Инструмент, издающий резкий звук при пропускании через себя воздуха или пара и используемый для подачи сигнала – дудка, свисток, свирель» [13, с. 650]. Отметим, что в языке-реципиенте также существуют сходные названия подобных музыкальных инструментов: *дудка, дудочка*. Так как номинация имеет звукоподражательную природу, трудно однозначно утверждать о заимствовании наименования.

Лексема *зурна* известна в русском языке в значении «Восточный духовой музыкальный инструмент типа гобоя» [3, с. 219]. Генетически наименование восходит к персидской форме *surnây*, но в русский язык номинация попала, вероятно, через турецкое посредничество. Предполагаемый прототип *zurna* фиксируется в турецком словаре в значении «Духовой музыкальный инструмент с резким звучанием, игра на котором, как правило, сопровождается игрой на давуле (большой барабане) и домблелек» [13, с. 3521]. Известно, что во времена Османской империи зурна использовалась в турецкой армии как военный музыкальный инструмент, чтобы пугать противника [4, с. 112]. Очевидно, именно через военную сферу наименование и распространилось в европейские языки, в том числе и в русский язык.

Номинация *кавал* («Духовой музыкальный инструмент типа флейты, распространённый в Болгарии, Югославии, Румынии» [3, с. 242]) восходит к турецкому прототипу *kaval* со значением «Духовой музыкальный инструмент из тростника с мягким звучанием, используемый, в основном, пастухами – пастуший рожок, свирель» [13, с. 1241]. Не только формальная корреляция указывает на турецкое происхождение слова – в экстралингвистической плоскости данная реалья также ассоциируется с турецкой внеязыковой действительностью. Кавал считается инструментом горных пастухов на Балканах и в Анатолии, а самые знаменитые кавалы производятся в настоящее время в турецком селении Эрикбелен [10].

Установить происхождение номинации *кобза* («Старинный украинский струнно-щипковый музыкальный инструмент» [3, с. 273]) сложно, так как вероятные прототипы наименования находим в разных языках: венг. *koboz*, рум. *cobză*, азерб. *kobuz*, хорв. *koruz*, тур. *koruz*, тат. *kobuz, kobuz* и др. Обратившись к фактам внеязыкового характера, выясняем, что музыкальный инструмент, послуживший прообразом кобзы, был известен ещё в VIII в. до н.э. на территории современного Ирана [10]. Позже данный музыкальный инструмент был занесён тюркскими народами в Европу, в том числе и в Украину, где он и приобрёл свой окончательный облик. В XVII–XVIII вв. кобза становится любимым инструментом украинских казаков и широко распространяется среди украинского населения. Образ кобзаря, то есть народного сказителя, сопровождавшего свои песни-думы игрой на кобзе, увековечил в своём творчестве Т.Г. Шевченко. В русскоязычном пространстве лексема *кобза* ассоциируется, в первую очередь, с украинской культурой. В русской художественной литературе и поэзии встречаем многочисленные употребления данной номинации для воссоздания украинского колорита: «<...– «То не диво, – отвечал запорожец, – у нас в Запорожине е такие кобзары, що як заграють, то аже у Петербурси затанцують». [А. С. Пушкин. Table-talk (1831–1836)] (Сохранена орфография первоисточника – С.Т.); «На тихий Днепр, / На хутора родные, / Где древние рыдают кобзари...» [Э. Г. Багрицкий. Украина (1922)]; «Пишу вам из глуши украинских полей, / Где дни так солнечны, а зори так румяны, / Где в воздухе стоят напевы кобзарей [С. Я. Надсон. Отрывок (1885.10.00)] «– «Ой, надоели вы, девчата», – / Старик ворчит, а сам берет / Со стенки кобзу, и у хаты / Он сел – играет и поет». [И. З. Суриков. В Украине (1879)] [8]. Таким образом, все рассмотренные выше факторы не позволяют считать турецкий язык историческим источником заимствования кобза, в связи с чем мы относим данную лексему к турцизмам условно.

Исследователи, приписывающие турецкое происхождение экзотизму *нагара* («1. Ударный музыкальный инструмент наподобие литавр; 2. Общее название азербайджанских двусторонних барабанов» [3, с. 381]), руководствуются, вероятно, формальным сходством данной лексемы с формой *nagara* (литавры, барабан [13, с. 1574]), сохранившейся в диалектах турецкого языка. Генетически наименование восходит к арабскому глаголу *naqr* (ударять, стучать). Тем не менее, мы не можем однозначно утверждать о турецком происхождении лексемы, так как обозначаемая словом реалья соотносится, скорее, с азербайджанской внеязыковой действительностью: данный музыкальный инструмент играет ведущую роль в составе азербайджанских ансамблей и оркестров народных инструментов, используется в традиционных фольклорных обрядах и в народных театрализованных играх азербайджанцев. Некоторые исследователи утверждают, что номинация была известна ещё в древнерусском языке в форме *накра* (ударный инструмент военного оркестра) [4, с. 110] и могла быть заимствована через военную сферу из разных тюркских языков. Учитывая неубедительность доказательств турецкого происхождения номинации *нагара*, относим данную лексему к турцизмам условно.

Так же трудно доказать и турецкое происхождение лексемы *саз* («Струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни, распространённый у народов Закавказья, Ирана, Афганистана, Турции и других стран Востока» [3, с. 512]). Принадлежность реалии сразу нескольким культурам не позволяет привлечь экстралингвистические факторы в качестве аргументации происхождения слова. Обратившись к собственно лингвистической плоскости, обнаруживаем в турецком словаре предполагаемый прототип *saz*² с более широким спектром значений: «1. Какой-либо музыкальный инструмент. 2. Общее название таких турецких народных музыкальных инструментов как баглама, джура, тар и т.д. 3. Баглама – струнный турецкий народный музыкальный инструмент из дерева с длинным грифом. 4. Оркестр. 5. Увеселительное заведение с живой музыкой» [13, с. 1925]. Вполне вероятно, что одно из первых трёх значений могло послужить единицей языкового контакта при заимствовании.

Слово *тулумбас* известно в русском языке в значении «Старинный ударный музыкальный инструмент – род литавр» [3, с. 597] и, предположительно, восходит к турецкому прототипу *tulumbaz* («Большой военный барабан» [4, с. 110]). Поскольку корень *tulum* является общетюркским и обозначает «бурдюк, шкура, снятая без надреза целиком» [4, с. 110], будет правомерно предполагать и другие тюркские языки в качестве исторических источников заимствования. Тем не менее, в экстралингвистической плоскости находим интересные факты в отношении обозначаемой словом реалии. Тулумбасы применялись с XVII века как воинский сигнальный инструмент, так как очень громкий, гулкий и низкий звук инструмента напоминал изданные выстрел из пушки [7, 594]. Также известно, что для управления своим войском данный инструмент использовали казаки Запорожской Сечи [10]. Следовательно, вполне вероятно, что номинация пришла в русский язык через военную сферу из турецкой внеязыковой действительности, возможно, при украинском посредничестве.

Экзотизм *карагёз* известен в русском языке в значении «Персонаж турецкого народного театра кукол, а также название кукольного театра в Турции» [3, с. 252]. Турецкое происхождение номинации не вызывает сомнений, что подтверждается как фактами внеязыкового характера (обозначаемая словом реалья сформировалась в турецкой культуре в XVII в.), так и собственно языковыми характеристиками: в буквальном переводе с турецкого *karagöz* означает «черноглазый» (*kara* – чёрный, *göz* – глаза) и фиксируется в турецком словаре в значении, аналогичном русскому заимствованию [13, с. 1205].

Турецкому языку приписывается посредничество при заимствовании шахматного термина *ферзь* («В шахматах: самая сильная фигура, передвигаемая на любое число полей по прямой или по диагонали во всех направлениях; королева» [6, с. 739]). Словари Л.П. Крысина и М.Фасмера указывают на турецкое слово *ferz*, восходящее к персидскому *ferz* (полководцу), как на возможный прототип [6, с. 739; 11 т. IV, с. 190]. Вероятно, авторы руководствуются тем фактом, что форма *ferz* своим фонетическим обликом напоминает форму *визирь*, а роль визиря в политическом устройстве Османской империи можно сравнить с функцией ферзя в шахматной игре. Если же рассматривать в экстралингвистической плоскости происхождение реалии (игры в шахматы) и её распространение в Европе и в России, то фактов, указывающих на турецкое посредничество в указанных процессах, мы не находим. Ограничимся, таким образом, условным отнесением лексемы *ферзь* к турцизмам.

Предложенный в настоящей статье фрагмент исследования демонстрирует подход к систематизации и классификации заимствований из турецкого языка с целью комплексного описания данного языкового явления. Тематическая классификация турцизмов позволяет выявить и охарактеризовать экстралингвистические предпосылки процесса заимствования. В систематическом описании также нуждается освоение заимствований из турецкого языка на разных уровнях языковой системы, что является перспективной дальнейшей задачей изучения лексики турецкого происхождения.

Література:

1. Баскаков Н.А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – Изд. 3-е. – М.: URSS. ЛКИ, 2008. – 243 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред.: С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов: 35 тыс. слов / А. Н. Булыко. – Изд. 2-е, испр. – М.: Мартин, 2007. – 703 с.
4. Керрами Ю. Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке. : дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юнал Керрами ; Бирский государственный педагогический институт. – Бирск 2004 – 223 л.
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово как транслятор иной культуры // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г. П. Мещиненко. – Т. 1. – М., 2006. – С. 106–113.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25000 сл. и словосоч. – 4-е изд., стереотип. / Л. П. Крысин. – М.: Рус.яз., 2002. – 856 с.
7. Музыка: Энциклопедия / Под ред. Г. В. Келдыш. – Репринтное издание «Музыкального энциклопедического словаря» 1990 года. Изд-во: Советская энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 672 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999.
10. Энциклопедия музыкальных инструментов EOMI (Encyclopaedia Of Musical Instruments) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eomi.ws/>.
11. Этимологический словарь русского языка. / Сост.: Фасмер М. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. Под ред. Б. А. Ларина.: В 4 т. – М., 1964–1973.
12. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования) / Р.А. Юналеева. – Казань: Таглитат, 2000. – 172 с.
13. Türkçe sözlük /Türk Dil Kurumu. – Türk Tarih Kurumu Basim Evi – Ankara, 1998. – 2525 s.

УДК 811.111'373.43'42:004

Н. В. Таценко,

Запорізький національний університет, м. Запоріжжя

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНЕ ПРОФІЛЮВАННЯ ПОНЯТІЙНОГО МОДУСУ КОНЦЕПТУ «ЕМПАТІЯ»

У статті проведено комплексний аналіз концепту ЕМПАТІЯ як когнітивно-комунікативного утворення, втіленого засобами сучасної англійської мови, за допомогою фреймових моделей та модусного структурування. Проаналізовано понятійний модус емпатії з виокремленням граматичного профілювання як його основного конституента.

Ключові слова: емпатія, концепт, понятійний модус, фрейм, граматичне профілювання.

LEXICAL AND GRAMMATICAL SHAPING OF THE NOTIONAL MODUS OF CONCEPT «EMPATHY»

The article provides a comprehensive analysis of the concept EMPATHY as a cognitive and communicative entity, embodied by means of modern English language, using frame models and modus structuring. The notional modus of concept EMPATHY is analyzed with singling out of grammatical shaping as its principal constituent. Epidigmatic structure of the lexical units representing empathy in English discourse mirrors different ways of a person's reflective perception of the ability to identify with another person or to understand his/her views. Thus, the function of grammatical shaping of the notional modus of concept EMPATHY, embodied in lexical units, is to systematize the constitutive features of its recognizable essence. The sole conceptual base lies at the core of these units – it is the frame of notional modus of concept EMPATHY, but the conceptualizer's attention is focused on its various slots. The slots are: empathy (n) – INSTRUMENT/AGENT, empathizer/empathiser (n) – AGENT, empathizee/empathisee (n) – PATIENT, empathize/empathise (v) – ACTION, empathetic/empathic (adj), empathizing/empathizing (adj) – SUCH, empathetically/empathically (adv), empathizingly/empathisingly (adv) – SO. Formation and cognitive-semasiological interpretation of the concept, approximated to scientific definition, are the result of purposeful cognitive activity of the subject of cognition and reflect his/her general socio-cultural experience.

Key words: empathy, concept, notional modus, frame, grammatical shaping.

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО МОДУСА КОНЦЕПТА «ЭМПАТИЯ»

В статье проведён комплексный анализ концепта ЭМПАТИЯ как когнитивно-коммуникативного образования, воплощённого средствами современного английского языка, с помощью фреймовых моделей и модусного структурирования. Проанализирован понятийный модус эмпатии с выделением грамматического профилирования как его основного конституента.

Ключевые слова: эмпатия, концепт, понятийный модус, фрейм, грамматическое профилирование.

Для сучасного стану розвитку мовознавства характерним є посилені інтерес до механізмів відображення емпатії як складника емоційної компетенції мовця. Виявлено номінативні, емотивні й прагматичні особливості вербальних і невербальних засобів на позначення емпатії, визначено прагматичні різновиди емпатійних висловлень, їх дискурсивний потенціал, розроблено теорію емпатійної комунікації як виду мовленнєвої взаємодії [1; 2; 4]. Однак дотепер не здійснено комплексного аналізу концепту ЕМПАТІЯ як когнітивно-комунікативного утворення, втіленого засобами сучасної англійської мови, за допомогою фреймових моделей та модусного структурування. Цим пояснюється актуальність пропонованої наукової розвідки. Матеріал був відібраний з електронного текстового корпусу «Британський національний корпус» (BNC), а також інших джерел друкованого та електронного формату.

Погоджуючись із досить слушним виокремленням понятійної, перцептивно-образної та ціннісної складових концепту [5, с. 54–64]), ми виділяємо *понятійний, перцептивно-образний і аксіологічний модуси* емпатії. Термін «модус» видається нам прийнятним для об'єктивації складових концепту, оскільки крім етимологічно вмотивованого вживання у значенні «спосіб», він використовується на позначення підструктури концептів. Таке витлумачення модусу є правомірним, якщо зважати на той факт, що спосіб осмислення результату наявний у відбитті будь-якої структури. Метою статті є актуалізація понятійного модусу, оскільки він є первинним і несе безпосередню інформацію про емпатію як таку, відбиваючи своєю семантикою колективне знання носіїв сучасної англійської мови.

Понятійний модус – це раціональна, логічна концептуалізація емпатії, яка систематизує її конститутивні ознаки. Ключовим засобом його репрезентації є пряма лексема *empathy*, до складу дериватів якої входять іменники *empathizer/*